

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВЕСЕ

ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРЫ

30

Санкт-Петербург
2018

ВЕЧЕ

**Журнал
русской философии
и культуры**

Выпуск 30. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – 296 с.

*Печатается по постановлению
Ученого совета Института философии
С.-Петербургского государственного университета*

Главный редактор

А. Ф. Замалеев

Заместитель редактора

А. Е. Рыбас

Редакционный совет

Н. И. Безлепкин (Военная академия связи, СПб),
А. И. Бродский (СПбГУ), **И. И. Евлампиев** (СПбГУ),
А. В. Малинов (СПбГУ), **Е. А. Овчинникова** (СПбГУ),
И. Д. Осипов (СПбГУ), **Е. Г. Соколов** (СПбГУ),
Л. Е. Шапошников (Нижегородский гос. пед. ун-т)

Версия журнала в Интернете: <http://philosophy.spbu.ru/1405/8737>

Адрес электронной почты: rusphil@mail.ru

Журнал издается с 1994 г.

© Редколлегия номера, 2018

© Авторы статей, 2018

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ П 1216 от 16 ноября 1994 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

- А. Ф. Замалеев.* Письма любопытствующему о русской философии.
Письмо первое 5

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- А. И. Бродский, Е. А. Овчинникова.* Идолы нравственного сознания.
Из истории «этических экспертиз» в России 8
- Чжан Синюй.* Концепция естественности жизни Льва Толстого
и ее литературная интерпретация 28
- Д. С. Попов, П. Г. Коршунов.* Особенности рецензий стоицизма в
русской религиозной мысли XII – начала XIX вв. 47

К ЮБИЛЕЮ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

- Н. И. Безлепкин.* Проект «всеславянского» языка
Юрия Крижанича 56
- В. М. Дианова.* Идея славянского единства в воззрениях
Юрия Крижанича и ее последующие сторонники 68
- А. Е. Рыбас.* «Незаметная мудрость» Юрия Крижанича:
попытка актуализации 80

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

- И. Ю. Матвеева, И. И. Евлампиев.* Картина Н. Н. Ге «Тайная
вечера» и споры о религиозном искусстве 89
- Д. И. Крушинская.* Формирование культурной репутации городского
советского жителя 1920-х гг. (на материале «Московского дневника»
В. Веньямина) 106

ВОКАБУЛЯР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

- С. И. Павлов.* Словарь философских терминов А. И. Герцена 119

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

- А. В. Малинов.* «Порадейте обществу нашему»: религиозно-фило-софские собрания в письмах В. В. Розанова В. И. Ламанскому.....157
- А. А. Шахматов.* Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета
В. И. Ламанского (публикация *А. В. Малинова*)167
- В. М. Соловьев.* Идея всеславянского единства в освещении
М. П. Погодина174
- И. В. Демин.* Актуальное значение славянофильского социального консерватизма для понимания homo liberalis.....189
- И. Ю. Пешперова.* Проект «В. И. Ламанский и академическое славянофильство в России в последней трети XIX в.». Итоги исследования196
- С. А. Троицкий.* Позднее славянофильство и искусство208
- В. А. Куприянов.* Ломоносоведение в творчестве В. И. Ламанского... 223

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- С. Г. Няръянен.* Карелианизм как механизм национальной идентификации народов Карелии и Финляндии241
- О. Ю. Верпатова.* Социокультурное пространство в воззрениях
Л. П. Карсавина и современность.....252

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

- С. В. Ряполов.* «Человек вечный»: о философской антропологии архимандрита Феофана (Авсенева).....258
- Е. О. Ковалева.* Преемственность культурных традиций в воззрениях *Л. П. Карсавина*267

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Т. И. Галкина.* О книге Владимира Звизняцкого «Побеждающий страх смехом: Опыт реставрации собственного мифа Николая Гоголя» (Киев: Лыбидь, 2010).....273

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ.....276

SUMMARIES.....284

АВТОРЫ НОМЕРА291

CONTENTS294

«НЕЗАМЕТНАЯ МУДРОСТЬ» ЮРИЯ КРИЖАНИЧА: ПОПЫТКА АКТУАЛИЗАЦИИ

Изучение философских идей Юрия Крижанича и особенно уяснение их роли в развитии истории русской философии осложняется тем фактом, что работы хорватского мыслителя стали известны широкой общественности довольно поздно, во второй половине XIX века, и сразу же получили исключительно славянофильскую трактовку. Так, П. А. Бессонов, впервые опубликовавший сочинения Юрия Крижанича, охарактеризовал его как «ревнителя воссоединения церквей и всего славянства»¹, и такой ракурс рассмотрения философии Крижанича, позволявший увидеть в идеях «сербянина» не только истоки русского панславизма², но и советского интернационализма³, остается доминирующим, хотя в корне неверным, вплоть до настоящего времени.

Сейчас можно сказать, что социально-политический срез в интерпретации идейного наследия Крижанича не является единственным или же определяющим, хотя хорватский мыслитель, конечно же, отдал «все свои силы и здоровье великою – и уввы! не воплощенной в жизнь – идее славянского единства»⁴. Гораздо важнее эксплицировать собственно философские предпосылки, обусловившие воззрения Крижанича, и их следует искать исходя из анализа историко-культурных реалий XVII века, а не с позиции позднейших теоретических построений. При этом необходимо избегать ставшего довольно распространенным в историко-философской литературе компилятивного подхода, который сводится к поверхностному пересказу общих мест⁵ и «воздающим должное» оценочным и бессо-

¹ См.: Бессонов П. А. Ю. Крижанич // Православное обозрение. 1870. № 1–11.

² Scolardi P. G. Au service de Rome et de Moscou au XVII siècle. Paris, 1947. P. 170; Petrovich M. B. Juraj Križanič: a precursor of Pan-Slavism // American Slavic and East European Review. 1947. No. 6. P. 75–100.

³ См.: Гольдберг А. Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 19: Русская литература XI–XVII веков среди славянских литератур. С. 373–390.

⁴ Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. С. 167.

⁵ См.: История русской философии: Учебник для вузов / Редкол.: М. А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 50–51.

держательным суждениям типа «Юрий Крижанич – очень своеобразный философ»¹.

Стоит отметить еще одну деталь, характерную для большинства современных истолкований творчества Крижанича в контексте развития русской философии. Признавая задним числом важность философских идей Крижанича, а также его теоретических разработок в сфере целого ряда наук, исследователи спешат объявить эти идеи достоянием философской культуры допетровской Руси и рассматривают их в контексте грядущих реформ. В результате выходит так, будто просветительская миссия Крижанича действительно состоялась, пусть и с некоторой задержкой, и принесла реальные плоды для России, ступившей на путь европеизации. К примеру, М. Н. Громов и Н. С. Козлов, сравнивая «старания» хорватского философа с деятельностью других интеллектуалов XVII века, пишут, что «наибольшее воздействие в теоретическом отношении оказал на русскую мысль Юрий Крижанич»².

Подобные высказывания, хотя и делаются, скорее всего, с целью актуализации идей философа и признания его заслуг, приводят, тем не менее, к искажению интеллектуальной истории со всеми вытекающими отсюда негативными следствиями. Ведь представить дело так, будто работы Крижанича способствовали появлению на Руси, скажем, концепций просвещенного абсолютизма или «программы Петра», – это то же самое, что провозгласить его провозвестником панславизма. В обоих случаях взгляды Крижанича модернизируются и, к тому же, редуцируются, поскольку прочитываются сквозь призму собственных представлений исследователя о философии и ее истории. Между тем, в историко-философской литературе уже давно обоснован вывод о том, что взгляды Крижанича и его работы, написанные в России, не были востребованы ни теми, кому они непосредственно адресовались (прежде всего царю и интеллектуальной элите), ни кем бы то ни было еще, кто так или иначе мог способствовать культурному и политическому развитию России: «Крижанич жил в России почти 20 лет – одинокий, непонятый, не оцененный и никому не нужный. И его труды при всем богатстве и необычности заключенных в них идей, при всем остроумии и несомненной одаренности автора (скажем больше – талантливости!) ос-

¹ Акулч Е.М., Акулч М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. Тюмень: Вектор Бук, 2006. С. 164.

² Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 251.

тались просто обычными теоретическими трактатами. Они не повлияли на русскую жизнь того времени, а лишь своеобразно отображали реальную действительность России второй половины XVII в.»¹. Что же касается философских идей хорватского мыслителя, то они тоже только не оказали никакого, в том числе и «теоретического», воздействия на русскую мысль: «Философские установки Крижанича совершенно не укладывались в рамки господствующих тогда в русском сознании представлений»².

Разумеется, факт неучастия Крижанича в философской полемике своей эпохи ни в коем случае не свидетельствует о том, что его идеи не представляют особого интереса, поскольку «у Крижанича больше *о философии*, чем *самой философией*»³. Вообще востребованность того или иного учения, а также его влияние на интеллектуалов и даже на целые школы не являются достаточным основанием для того, чтобы считать это учение философским. Довольно часто случается так, что нашумевшие в свое время произведения, даже ставшие общепризнанными в качестве классических, на проверку оказываются простыми банальностями, а глубокие мысли не находят себе аудитории. И тем более интересна работа историка философии, когда он сталкивается с учениями, не вписавшимися в генеральную линию интеллектуальной истории и стоящими особняком, на периферии философской культуры.

Сочинения Крижанича – это не строго философские трактаты, и посвящены они самым разным темам, порой даже очень далеким от философии. К тому же, они никогда и не рассматривались как философские произведения: как правило, Крижанича просто *называли* философом, а когда доходило дело до характеристики его философской позиции, то говорили прежде всего о влиянии хорватского мыслителя на славянофильскую идеологию, политику, лингвистику и вскользь – о его «классификации всех видов знания». При этом подчеркивалась свойственная Крижаничу манера сочетания провинциализма и рационализма, что отнюдь не способствовало прояснению его статуса философа, а делало его более неочевидным. Таким образом, рассмотрение творчества Крижанича с целью экспликации философской проблематики является все еще новым и, как

¹ Пушкарёв Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. С. 189.

² Никоненко В.С. Русская философия накануне Петровских преобразований. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 67.

³ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I. М.: РОССПЭН, 2008. С. 58.

кажется, необходимым шагом в изучении оставленного им идейного наследия.

Почему же Крижанич – философ? Ответить на этот вопрос не удастся, если ограничиться пересказом тех мест его сочинений, где говорится о философии. Понимание вообще невозможно, если его пытаются получить, не выходя за границы текста и объясняя ключевые понятия при помощи философского вокабуляра рассматриваемого мыслителя. Но и «выход» из текста должен быть своеобразным: он должен приводить к собиранию текста как целого не с позиции внешнего наблюдателя (в результате такого подхода и появляются утверждения, что Крижанич – панславист и т.п.), а изнутри, с позиции поставленных в этом тексте вопросов. При этом следует учитывать, что вопрос, который действительно поставлен в тексте, всегда остается без ответа, хотя как раз это и пытается сделать автор текста, потому что именно с целью ответить на волнующие его вопросы и был данный текст создан.

Как известно, обнаружить основополагающие вопросы в философском сочинении позволяют имеющиеся в нем противоречия. Противоречия, о которых идет здесь речь, представляют собой не изъяны в тексте, а, наоборот, результат самостоятельного мышления, поскольку проблематизация общепринятого, как правило, сопряжена с разноплановым поиском решений, что приводит к утверждению и использованию противоположных тезисов. Анализируя эти тезисы в их содержательной противопоставленности, исследователь получает возможность актуализации открытого смысла, что и позволяет, в свою очередь, увидеть философский текст *изнутри* и в то же время *со стороны*.

Рассмотрим под этим углом зрения основное сочинение Крижанича – «Политика». Все многообразие сюжетов этого произведения легко сводится к одному основанию, если учесть, что «главное внимание в трактате уделяется мудрости»¹. Именно проблематизация мудрости задает перспективу рассуждений Крижанича, и что бы ни попадало в поле его зрения – все анализируется и оценивается в отношении к мудрости: как ее демонстрация или негация. В качестве ключевого понятия мудрость способствует прояснению и систематизации явлений действительности, поскольку они становятся понятными, обретают смысл и получают статус стремящихся к мудрости, противодействующих ей или же игнорирующих ее. Об-

¹ Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб.: Летний сад, 2001. С. 99.

ладание мудростью, таким образом, позволяет человеку обнаружить в природе порядок вещей, а в культуре – порядок идей, и в этом Крижанич видит действительную цель своей «миссии».

Итак, благодаря мудрости *хаос* превращается в *космос*, все становится на свои места и может считаться поэтому познанным. Но как обстоит дело с самой мудростью? Можно ли познать, а значит, определить то, что является основанием знания и дает всему сущему определенность? Этот вопрос и интересует Крижанича прежде всего, и неудивительно, что он, несмотря на все свои старания, оставляет в итоге этот вопрос без окончательного ответа. Ибо в противном случае – если допустить, что Крижанич не искал знания о мудрости, а исходил из него – нельзя было бы обнаружить в его сочинениях философское содержание.

Мудрость у Крижанича описывается через противоречащие друг другу высказывания. Так, например, с одной стороны, мудрость «незаметна», она противопоставляется таким действительно важным вещам, как сила и богатство, при этом подчеркивается тот факт, что в обычной жизни все привыкли обходиться без мудрости: «Богатство и сила – вещи ощутимые, все люди видят их [своими] глазами, все трогают руками, и оттого все их знают, и жаждут, и ищут и при этом большей частью – недопущенными способами. А мудрость – незаметна и поэтому для многих остается неизвестной, и вследствие того к ней не стремятся, [ее] не ищут, а многие даже и ненавидят ее»¹.

С другой стороны, значение мудрости для жизни человека нельзя переоценить, поскольку она представляет собой знание, охватывающее всю сферу божественного и человеческого: «Мудростью называется знание наиважнейших и наивысших вещей. А именно: о Боге, о небе, о земле, о человеческих нравах, о законопорядке и обо всяких великих, господских, премного важных и необходимых вещах»². Кроме того, мудрость понимается у Крижанича как реальная сила, важность и необходимость которой доказывается тем, что ею должны обладать правители, в руках которых – судьбы всех: «Из всех мирских наук самая благородная наука и всем госпожа – это политика, или королевская мудрость. И из всех [наук] она наиболее пристойна королям и их советникам. Ибо подобно тому, как в теле человеческом сила содержится в руках, бы-

¹ Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. С. 453.

² Там же. С. 457.

строта в ногах, [а] разум в голове, так и в духовном теле всего народа разные свойства разделены между разными частями. Сила – у воинов, богатство – у торговцев, а государственная мудрость пребывает более всего у короля и у его советников»¹.

Как же совместить незаметность мудрости и ее верховный статус? И чем объяснить гонения на мудрость, ее неприятие большинством людей?

Как известно, Крижаничу на личном опыте довелось испытать негативное отношение к мудрости и к ее «рачителям». Возвратившись из ссылки, он пишет несколько челобитных царю Федору Алексеевичу, в которых, в частности, объясняет причины своего решения ехать в Москву: будучи молодым человеком, он поверил слухам, что на Руси «заходило философское учение», и отправился туда «работать по своей науке». О себе он пишет, что искренне стремился постичь мудрость и был готов ради достижения этой цели на все что угодно: «Я бо от детинства своего, оставивши печали о всаком ином житъя устроено, удался есм всим сердцем на едино мудростно искание... И на том есм бедный и несрещеный человек, весь свой страстный живот изтрошил»². Однако по прибытии в Москву Крижанич обнаружил «философское бедное устроение», а вместо уважительного отношения к наукам – презрительность и враждебность к свободной мысли. Умоляя царя позволить ему вернуться домой, Крижанич подводит итог своей деятельности в России: «Первый и един из моего народа появихся некористен мудрости искатель, и за сей мой подвиг в бедности преживох или паче згубих весь свой временный живот»³.

Не стоит думать, что Крижанич был просто обижен, оказавшись в ссылке «не известно по какой причине», и поэтому преувеличивал, говоря о ненависти к наукам в Московской Руси. Схожих высказываний существует довольно много. К примеру, можно вспомнить заключительные строки сатиры «На хулящих учение» А. Д. Кантемира. Сегуя на то, что распространение учености в России сталкивается с практически непреодолимыми препятствиями, он делает такой вывод:

Гордость, леность, богатство – мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело...

¹ Там же. С. 461.

² Цит. по: *Пушкарёв Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. С. 160.

³ Там же.

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна – пусты руки»¹.

Конечно, факт «нелюбви» к мудрости (а вместе с ней и к философии) можно объяснять по-разному, от указания на своеобразие понимания учености в Святой Руси до простой характеристики древнерусской эпохи в целом как «невегласия». Однако Крижанич говорит не только о нелюбви, но прежде всего о незаметности мудрости. Быть может, если бы мудрость явилась на Русь «в силах», то ее не смогли бы не полюбить и тогда бы были созданы все условия для развития «любомудрия». Хотя, скорее всего, хорватский мыслитель менее всего был склонен осуждать, выделяя, отношение к философии в Московской Руси, ведь оно, наверное, мало чем отличалось от того, как обстояли дела в тогдашней Европе. По крайней мере, Крижанич отправляется заниматься науками именно в Москву, прослышав, что там интересуются философией, и до последнего момента надеется найти поддержку своим идеям и реализовать свои планы именно в этом славянском государстве.

Думается, что незаметность мудрости, как ее мыслит Крижанич, является принципиальным ее атрибутом, не зависящим от социально-культурных или иных обстоятельств. Мудрость невыразима и до конца не верифицируема. Не случайно ведь даже говоря о том, что такое мудрость (знание вещей божественных и человеческих), Крижанич дает ей лишь формальное, а не содержательное определение. Ибо дальше указания на то, знанием чего является мудрость, он не идет и, вероятно, идти не может. Действительно, то, что Бог, небо, земля, человек, его нравы, законопорядок и т.п. существуют, несомненно: следовательно, знание обо всем этом и будет составлять содержание мудрости. Однако обладает ли кто-нибудь этим знанием? Очевидно, что нет. В лучшем случае у философа имеются кое-какие догадки на этот счет, но не более того. Именно поэтому философа Крижанич называет «искателем» или

¹ *Кантемир А.Д.* На хулящих учение. К уму своему // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 60.

«рачителем» мудрости, но никогда – мудрецом в точном смысле этого слова.

Вот показательное размышление Крижанича о философии: «Философия – это не [особое] искусство или наука, а скорее тщательная и обдуманная рассудительность или опытность в суждении о всех вещах. Ибо философия учит правильно судить обо всех вещах, не ошибаться и не заблуждаться. Философ и ничего не знает, и знает все. Подлинный философ ничего не умеет делать и обо всем может судить»¹. Таким образом, философ, по Крижаничу, – это тот, кто умеет правильно мыслить, то есть, отталкиваясь от исходных посылок и не совершая логических ошибок, приходит к самым последним следствиям. Понятно, что следствия эти не всегда будут совпадать с тем, что привыкли думать обычные люди, а значит, в их глазах философ будет выглядеть человеком опасным, разрушающим традиционные представления и ценности.

В целом философию Крижанич трактует в контексте общепринятых в его время представлений, а именно как знание первопричин, однако при этом расставляет свои акценты, благодаря которым мудрость как основание этого знания остается «незаметной». Так, перечисляя причины, подлежащие философскому познанию, Крижанич формально следует Аристотелю: «Знание – это понимание причин вещей, и знать – это [значит] понять причины вещи. А кто не знает причин, не знает и самой вещи... Основополагающих главных причин четыре: творец, материал, форма и цель. Второстепенные причины: орудие, условия и иные»². Но тут же подчеркивает, что собственно философское познание заключается не в постижении первопричин, а в умении выводить из них следствия, которые имеют уже не умозрительный, а практический характер: «Рачитель мудрости через причины познает следствия... А [там], где причина будет неведома, он познает ее через следствия»³. Подлинный философ, согласно Крижаничу, – это не создатель отвлеченных теорий или априорных метафизических систем, а знаток своего дела, практик, умеющий применять свои знания в реальной жизни и никогда не устремляющийся мыслью за пределы эмпирии без пользы дела: «...философствовать или мудрствовать [это] не что иное, как думать о причинах всяких вещей и выяснять, отчего, из чего, каким обра-

¹ Крижанич Ю. Политика. С. 459.

² Там же. С. 458.

³ Там же. С. 459.

зом и для чего происходит то или это. Всякий разумный муж должен быть философом в тех делах, которыми он занимается, особенно [если он] политик или какой-либо начальник»¹.

Ориентация философа прежде всего на практическую деятельность у Крижанича проистекала в том числе и из его понимания мудрости, недоступной для адекватного познания. Действительно, в силу «незаметности» мудрости философ никогда не может заручиться ее поддержкой в реальной жизни, он не в состоянии также проникнуть в царство идей, чтобы затем в статусе знающего Истину приступить к устранению несоответствия между должным и сущим. Единственное, что ему остается, – это опираться на опытное знание, при всем понимании его неполноты и условности. Отсюда у Крижанича и заповедь «Познай самого себя», выступающая в качестве основополагающего принципа его философии и предполагающая не постижение «чистого Я», а скрупулезный анализ эмпирических данных и моделирование на его основе того, что можно было бы счесть должным. Реализация этой заповеди требует умения правильно рассуждать, показывая, что выйдет в итоге из принятых посылок, чтобы в случае нежелательного результата изменить эти посылки.

Прибыв на Русь и предложив свои интеллектуальные услуги царю Алексею Михайловичу, Крижанич рекомендовал себя не как человека, который *знает*, как должно быть, а как человека, который умеет *думать*. Он был полностью уверен в том, что именно эта его способность будет оценена по достоинству и использована для блага России и всего славянского мира. Однако он не учел, что правильное мышление может вызвать в обществе еще большее негодование, чем претензия на обладание Истиной. Ибо мудрость незаметна, а от философии вред, как известно, возможен. И инициатива, к тому же, наказуема.

Рассматривая сегодня идеи Крижанича в контексте истории русской философии, можно вполне корректно и обоснованно связывать их с той традицией в русской мысли, которая характеризуется методологической скромностью в познании истины и неметафизической трактовкой философской проблематики. Именно эта традиция определяет сейчас содержание актуальной философии.

¹ Там же.